

УДК 67.3

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ИРАНСКОГО ПЛАТО В IV ТЫС. ДО Н.Э.

Кошман В. А., Юрченко Л. В.

В статье описываются особенности Иранского нагорья. Внимание автора обращено на анализ отдельных регионов во время неолита и раннего бронзового века. Утверждается, что было несколько центров неолитизации и на Иранском плато были некоторые из них. Основное внимание уделяется металлургическим инновациям в IV тыс. до н.э. Производится сопоставление траекторий развития Хузестана, Северной Месопотамии и Ирана. Выделяется влияние перемещения специалистов и товаров между указанными регионами. Рассматривается влияние специфики неолитизации в регионе на последующее развитие общества. Применяется тезис о том, что современные этнографические данные неверно распространять на прошлое, так кочевой образ жизни очень сильно отличается от разных высокоомобильных форм жизни, которые можно объединить под термином «полукочевой образ жизни».

Ключевые слова: Иранское нагорье, Арисман, Талмесса, неолит, ранний бронзовый век, Тепе-Гавра, Тель Сурежа, Хузестан, Передняя Азия.

Одним из ключевых вопросов в изучении государствообразования является процесс формирования сложных социальных институтов, который выходил за рамки регулирования отношений небольших групп людей, а распространялся на координацию деятельности ряда деревень. Первые свидетельства о фактах возникновения сложных социальных институтов, относятся к X тыс. до н.э., например, Гебекли-Тепе. Процесс формирования сложных структур управления и социального неравенства занял длительное время и завершился в эпоху позднего энеолита в период конца V – первых трех четвертей IV тыс. до н.э. Этот доподлинное и повсеместное развитие завершилось путем образований первых крупных урбанистических центров и ранних политий. Однако и они стали результатом длительных процессов, которые примыкают к различным локальным вариантам неолитизации, то есть речь идет о поступательном переходе к использованию продуктов сельского хозяйства в качестве основных источников питания. Поэтому, для понимания этого необходимо проследить взаимосвязь между особенностями переходов к производящей экономике со свидетельствами социальных трансформаций позднего энеолита.

Ключевая роль в неолитизации Передней Азии принадлежит территории Леванта, а последние находки добавили в эту совокупность территорий еще и горные районы юго-западной части Турции. На данный момент уже и эта картина является неполной, так как не включает в себя области Ирана, т.к. данная область длительное время не исследовались. Было известно, что центральная и южные части Загроса являлись центрами одомашнивания ряда животных (коз и овец), однако считалось, что соответствующая культура туда пришла лишь из областей Леванта. Благодаря раскопкам начала XXI в., стало известно, что данные культуры развивались на основе ранее существовавших местных. В сочетании с существенными отличиями материальной культуры от неолитических центров Леванта они показывают отдельную траекторию перехода к производящей экономике.

Эксплуатируя высотную поясность, древние жители Загроса занимали определенные высоты в разные сезоны, а также передвигались по мере изменения климата.

Это обстоятельство препятствовало развитию оседлых форм жизни и опоры на земледелие [2]. Соответственно, длительное время население было скотоводами-охотниками-собираателями, и лишь значительно позднее, только в середине VIII тыс. до н.э., некоторые из них перешли к более оседлым формам жизни, практикуя в частности подсечно-огневое земледелие и выращивание ячменя.

Другую ситуацию описывают материалы северо-восточной части Ирана, показывающая культуру, предшествующую неолиту южного Туркменистана – джейтунскую. В середине VIII тыс. до н.э. они имели отличную материальную культуру и характеризовались смешанным питанием. У них не было такой существенной зависимости от скотоводства, а потому они были менее мобильными, чем их отдаленные соседи в западной части Ирана [11]. В обоих местах наблюдается последовательная преемственность материальной культуры, что опровергает предположения о массовой миграции населения из другой части Передней Азии.

Любопытным является и то, что в отличие от существенного заката докерамического неолита в Леванте, в Иране подобной картины не прослеживается. Видимо, окружающая среда не позволяла попасть в подобный вариант мальтузианской ловушки, а избытки населения могли перемещаться в другие менее заселенные регионы. Примером этого может послужить появление в докерамическую фазу поселений на территории Пакистана, к примеру, Мехргарха. В совокупности со свидетельствами высокой автономности неолитических поселений в самом Леванте перед нами встает вопрос о центрах и путях распространения неолитизации в самой Передней Азии до исхода на территорию Европы через Балканы в VII тыс. до н.э. На наш взгляд, наиболее вероятной является картина множественных центров неолитизации в рамках Передней Азии. Поэтому, по крайней мере на ранних этапах, достаточно спорно рассматривать весь регион в качестве единого и взаимосвязанного центра.

Только к концу VIII – первой половине VII тыс. до н.э. к моменту широкого распространения скотоводства начинается активный обмен. Его объектами выступали как различные предметы, к примеру, яшма лазурь, так и технологические новшества, и объекты духовной культуры. Закономерным итогом этого процесса является сравнительно быстрое распространение керамики в регионе, равно как и ее появление в отдаленных центрах в течение короткого промежутка времени. Несомненно, обмен материалами, идеями и технологиями имел место и раньше: обсидиан с Армянского нагорья расходился на многие сотни километров задолго до VII тыс. до н.э., однако уровень интенсивности контактов был существенно ниже.

Другим результатом выступает появление единого культурного комплекса Халафа на большой территории в середине VII тыс. до н.э. Он отличается высокой гомогенностью на большей части территории своего распространения. В это же время появляются и первые печати, а материалы Айн-Газала демонстрируют одновременное сочетание отгонного скотоводства и земледелия, что, впрочем, не исключало и охоты. Появление новой высокомобильной формы жизни, которая сочетала и земледелие, и скотоводство на длительные дистанции стало катализатором дальнейших процессов социального развития и привели к появлению множества общих черт материальной культуры в Передней Азии.

С другой стороны, это свидетельствует, что современные этнографические параллели жизни кочевых народов не отображают образа жизни того периода, а аргументы о сходности высокомобильного образа жизни являются крайне спорными в

виде многообразия его форм. Более того, широкий спектр технологий добычи питания позволял использовать разнообразные формы жизни в сходных географических условиях и в рамках одной материальной культуры. А потому попытки противопоставления кочевого/полукочевого и оседлого образа жизни, придание им взаимоисключаемости, на наш взгляд, является проецированием современного на древнее, забывая о том, что оно было совершенно другим и не может иметь аналогов.

Следующим этапом развития отношений стал энеолит, в рамках которого и произошло появление, а также закрепление новых форм социального неравенства. Одним из важнейших новшеств этого периода развитая металлургия, добыча металла (меди) из руды, развитие методов обработки металла стали одними из свидетельств возрастающей специализации, равно как и сложности обществ.

В областях Передней Азии данные процессы также, как и неолитизация, не привели к одинаковой реакции, даже учитывая сходность географических условий. Если вопросы трансформаций на территории южной и северной Месопотамии уже были предметом нашего рассмотрения, то Иран представляет иную картину, потому остановимся на нем.

Последние исследования ряда археологических памятников, в особенности в долине Хазвина и Тегерана [4], привели к открытию новых и по-своему уникальных обстоятельств развития общества, дополнив картину между Месопотамией и северными склонами Копет-Дага. Специфика самого региона – нагорная полупустыня с плодородными участками аллювиальных фанов определила жесткие границы рамкам развития сельского хозяйства, основанного на земледелии. Тем не менее, в период пика климатического оптимума голоцена многочисленные области были лесостепью, а на склонах гор росли многочисленные фисташковые и дубовые леса [3]. И если отдельные поселения не могут удивить своими размерами (не более 12-14 га к началу IV тыс. до н.э.), то характерные черты отдельных из них коренным образом меняют наши представления о данном периоде и регионе.

Так, в поселении Талмесси, находящимся возле крупного месторождения меди присутствовал крупный индустриальный сектор, в котором в V – IV тыс. до н.э. происходила обработка и добыча меди из руды. При этом медь из данного источника активно использовалась для медных орудий по всему нагорью. Доходило до того, что другие поселения, находившиеся возле месторождений меди, начинали активно использовать ее из Талмесси [6]. В данном разрезе крайне любопытным является факт огромного количества бытовых орудий из меди, почти полностью вытеснившие каменные на территории поселений южного Туркменистана, в условиях отсутствия каких-либо месторождений в данном регионе. Это свидетельствует о крупных поставках меди на многие сотни километров задолго до одомашнивания ослов в IV тыс. до н.э. По мнению Кирчо Л.Б. доставка могла осуществляться на волах, что является более вероятной версией в условиях отсутствия других одомашненных тягловых животных в тот период и в данном регионе.

Продолжением тенденции стало появление таких археологических памятников как Арисман, находившихся недалеко от месторождений меди [9]. В нем на площади в несколько гектар расположены исключительно следы добычи и обработки металла в промышленных масштабах с использованием все более сложной, узкоспециализированной технологии. По заключению исследователей данное место не было постоянным поселением металлургов и кузнецов, а сезонным местом схода соот-

ветствующих специалистов. В данном регионе археологические находки демонстрируют полукочевой и оседлый образ жизни как с крупными земледельческими поселениями, так и со следами стоянок скотоводов. Свидетельства на данном этапе знаний не демонстрируют сколь-нибудь ярко выраженных следов имущественного неравенства, в отличие от синхронных находок, к примеру, Хузестана.

Апогей данных поселений является синхронным протоэламиту периоду, появлению наследуемой имущественной дифференциации, пику развития урбанизма в северной Месопотамии, и последующему его расцвету в южной Месопотамии в 3800 – 3300 гг. до н.э. После этого происходит резкое прекращение деятельности, упадок крупных поселений, хотя сопоставимые крупные протоурбанистические центры появляются в восточной части Иранского нагорья, рядом с долиной Инда. Это не связано с войной, а наиболее вероятной причиной является прогрессирующая аридизация климата. Она сделала невозможным ведение многих видов деятельности, в особенности металлодобычи, требующей огромного количества топлива. Стоит отметить, что образцы меди из данного региона богаты мышьяком в виду естественного высокого содержания его в медной руде, что позволяет предположить и об изготовлении бронзы.

Эта ситуация проясняет ряд моментов, касающихся Месопотамии. Это продиктовано сходством образа жизни, производством и обменом материалами между регионами на регулярной основе. Это позволяет провести некоторые параллели, принимая во внимание такие памятники как Тель-е-Бакун и Тепе-Гавра, которые являлись центрами нахождения предполагаемых элит полукочевых населения.

Вышеописанное подтверждает наш тезис о том, что именно полукочевой образ жизни играл ключевую роль в трансформации и переносе идей, материалов и технологий во всем регионе. В него в рамках данного периода необходимо включать западную часть Иранского нагорья.

В условиях сравнительно мирной ситуации (за исключением отдельных периодов всплеск организованного насилия в северной Месопотамии и Хузестане в конце V – начале IV тыс. до н.э.) вместе со скотоводами-земледельцами происходило перемещение высококвалифицированных узких специалистов вроде металлургов, кузнецов, гончаров и др. Это позволяет объяснить не только, к примеру, отсутствие больших поселений в данной области, вместо которых была мириада небольших деревень высококомобильного населения вперемешку с небольшими поселениями, выполняющими функции центров схода населения для различных целей, а равно и нахождения элит. В отсутствие крупных ремесленных центров в поселениях не означало дефицит узких специалистов, которые были такими же высококомобильными, как и все остальное население. Соответственно, не только единство культовых символов, которые демонстрируют высокую частоту совпадений, к примеру, в Сузах и Тепе Гавра, но и технологическое и культурное пространство создавались высококомобильным населением на территории Передней Азии, обеспечивая также регулярный трансфер бытовых предметов, товаров, равно как и потребность в ресурсах для ремесленного производства.

Точкой соприкосновения являются типологическое сходство медных топоров из Суз того же периода с изделиями в Иранском нагорье, в тоже время Хузестан вел активный обмен с другими частями Месопотамии. Кроме того, косвенным аргументом являются недавние раскопки в Иракском Курдистане в Тель Сурежа, где кера-

мика носит своеобразный характер, отличающий ее от сравнительно близко находящейся Тепе Гавра. Этот аргумент подтверждается и недавними исследованиями Минка, который подтверждает, что в районе долины, где находится данный археологический памятник имеется стилистическая обособленность [7]. В тоже время в исследовании 2003 г. Ротман и Блэкмен пришли к выводу, что один небольшой археологический пункт Шельгийя также, как и Арисман без каких-либо признаков жилых строений, был пунктом производства керамики для населенных пунктов в радиусе 100 км. [10]. Такое совпадение в одинаковое время в схожих географических условиях при схожести высококомобильного образа жизни и наличии стабильных контактов между регионами, позволяет с определенной степенью предположить, что ситуация, характерная для Иранского нагорья до определенной степени в отношении образа жизни населения и организации высокоспециализированного ремесла была одинаковой. Стоит отметить, что разница несомненно была, в основном она касается следов урбанизации в долине реки Кхабур, равно как и существенные следы имущественной дифференциации.

Возвращаясь к вопросу о соотношении особенностей неолитизации и последующей траектории, то на наш взгляд, они сыграли одну из важных ролей в указанных выше различиях. Так, где было больше возможностей осуществления земледелия, и они активно эксплуатировались местным населением, там и проявлялись активно следы имущественной дифференциации, катализируемые урбанизацией. Климатические факторы играли роль ограничителей: в случае с северомесопотамской урбанизацией аридизация уничтожила ее на корню, что проложило путь к доминированию южномесопотамской версии. В северо-восточном Иране изначальные ограничения, в виде небольших по площади аллювиальных фанов, не позволили развиваться протоурбанистическим центрам. Ограниченные оазисами северного склона Копет-Дага местные культуры памятников вроде Алтын-Депе и Намазга-Депе, пошли по другой траектории. Для них характерна стратегия концентрации населения в крупных поселениях и больший упор на земледелие. Поэтому, прогрессирующая аридизация не привела к резкому исчезновению. Наоборот происходило дальнейшее развитие социальных институтов, кульминацией которых является Гонур-Депе с его крупным дворцовым комплексом и Бактриано-Маргианский культурный комплекс в целом. Итогом данной цивилизации стало постепенное угасание и переход к другому образу жизни.

В регионах, которые стимулировали переход к скотоводству, население которого в равной мере владело и скотоводством, земледелием и развитым ремеслом, склонялось к появлению форм организации общества с меньшей социальной дифференциацией. Земледелие давало же большую возможность для сохранения высокой социальной дифференциации. Но говорить про линейную зависимость невозможно.

Достаточно привести пример Суз конца V тыс. до н.э. Там, несмотря на изначально успешные построения новых социальных форм, а также появление следов крупной коллективной культовой мобилизации, произошел упадок и разрушение вследствие крупного внутреннего социального конфликта. Это приводит нас к выводу о том, что ключевую роль в появлении урбанистических центров и последующего развития институтов государственности в регионе сыграло наличие ряда одновременно существующих, сравнительно автономных центров, с различными путями социальных трансформаций. Ведь не менее 4-х других центров прекратило свое су-

ществование, прежде чем после периода Джемдет Наср произошел окончательный и непрерывный подъем шумерской цивилизации в южной Месопотамии.

Поэтому, в состав региона формирования первичной государственности стоит включать не только Месопотамию и Левант, но и горы Загрос, Иранское нагорье с прилегающими регионами. По нашему мнению, в этот регион стоит добавить также и Индскую цивилизацию. Она является продуктом распространения неолитизации Иранского нагорья и последующего его активного влияния. Сюда относится Египет, который испытал огромное влияние Леванта вплоть до прямого переноса в нижнем Египте, а в культуре Нагада происходила активная эмуляция атрибутов власти южной Месопотамии (печати, строения, ряд символов, имитация керамики Леванта в высокоранговых захоронениях).

Список литературы:

1. Bonora Gian Luca, Vidale Massimo, Mariottini Maurizio, Guida Giuseppe. On the use of tokens and seals along the Kopet Dagh piedmont, Turkmenistan (ca 6000-3000 BCE). In: *Paléorient*, 2014, vol.40, n°1.
2. Darabi, Hojjat, Reza Naseri, Ruth Young, and Hassan Fazeli Nashli. 2011. "The Absolute Chronology of East Chia Sabz: A Pre-Pottery Neolithic Site in Western Iran". *Documenta Praehistorica* 38 (December):255-66. <https://doi.org/10.4312/dp.38.20>.
3. Djamali, M., De Beaulieu, J.L., Miller, N.F. et al. Vegetation history of the SE section of the Zagros Mountains during the last five millennia; a pollen record from the Maharlou Lake, Fars Province, Iran. *Veget Hist Archaeobot* 18, 123–136 (2009). <https://doi.org/10.1007/s00334-008-0178-2>
4. Fazeli Nashli, Hassan & Valipour, Hamid & Azizi Kharanaghi, Mohammad Hossein. (2013). The Late Chalcolithic and Early Bronze Age in the Qazvin and Tehran plains: a chronological perspective. [10.2307/j.ctvh1dn46.11](https://doi.org/10.2307/j.ctvh1dn46.11).
5. Fazeli, N. H. and Vidale, M. and Guida, G. and Coningham, R. A. E. (2010) "The evolution of ceramic manufacturing technology during the late Neolithic and transitional Chalcolithic periods at Tepe Pardis, Iran.", *Archaeologische mitteilungen aus Iran und Turan.*, 42 . pp. 87-112.
6. Helwing, Barbara. (2013). B. Helwing, Early metallurgy in Iran - an innovative region as seen from the inside. In: S. Burmeister/S. Hansen/M. Kunst/N. Müller-Scheessel (eds.), *Metal matters. Innovative technologies and social change in Prehistory and Antiquity. Menschen - Kulturen - Traditionen: ForschungsCluster 2 12 (Rahden Westf 2013) 105–135*.
7. Leah Minc, John R. Alden and Gil J. Stein, "A preliminary assessment of ceramic style and chemical composition during the Chalcolithic era at Surezha, Iraqi Kurdistan", *Paléorient*, 45-2 | 2019, 121-136.
8. Marghussian, A. K., Coningham, R. A. E., and Fazeli, H. (2017) The Evolution of Pottery Production During The Late Neolithic Period at Sialk On The Kashan Plain, Central Plateau of Iran. *Archaeometry*, 59: 222–238. doi: 10.1111/arc.12258.
9. Massimo Vidale, Hassan Fazeli-Nashli, François Desset. The late prehistory of the northern Iranian Central Plateau (c. 6000–3000 BC): growth and collapse of decentralised networks. Surplus without the state, political forms in prehistory, 10th archaeological conference of Central Germany, October 19-21, 2017 in Halle (Saale), 2018.
10. Mitchell S. Rothman, M. James Blackman. 2003. Late Fifth Millennium Exchange Systems in Northern Mesopotamia: Chemical Characterization of Sprig and Impressed Wares. *Al-Rafidan* 24:1-23.
11. Roustaei, Kourosh, Marjan Mashkour, and Margareta Tengberg. 2015. "Tappeh Sang-e Chakhmaq and the Beginning of the Neolithic in North-East Iran." *Antiquity* 89 (345). Cambridge University Press: 573–95. doi:10.15184/aqy.2015.26.

Koshman V. A., Yurchenko L. V. Peculiarities of statehood emergence on Iranian plateau in IV millennium BC // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 25-30.

In the article peculiarities of Iranian plateau are described. Author's attention is drawn to analysis of certain regions in the time of Neolithic and Early Bronze Age. It is stated that there were multiple centers of neolithization and Iranian plateau also had few of them. The main attention is paid to metallurgical innovations in the 4th millennium BC. A comparison is made of the development trajectories of Khuzestan, Northern Mesopotamia and Iran. The influence of the movement of specialists and goods between the indicated regions is highlighted. The influence of the specifics of neolithization in the region on the subsequent development of society is considered. The thesis is applied that it is wrong to extend modern ethnographic data to the past, since the nomadic way of life is very different from various highly mobile forms of life, which can be combined under the term "semi-nomadic way of life".

Key words: Iranian plateau, Arisman, Talmessi, Neolithic, Early Bronze Age, Tepe Gawra, Tel Surezha, Khuzestan, South-West Asia.